

ХИДЖАМА (КРОВОПУСКАНИЕ) В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ИСЛАМА

**Илья
Крапивин**

krapivin585@gmail.com

Исследование посвящено тому, как мусульманское лечебное кровопускание (хиджама) сосуществует в мусульманском и немусульманских контекстах. Основные цели данной работы заключаются в выявлении риторик и религиозных представлений, с которыми связывают эту процедуру специалисты по кровопусканию — хаджамы, а также того, как изменяются практики и способы легитимации кровопускания по мере выхода этой процедуры из замкнутого мусульманского и мигрантского поля в ходе ее джентрификации. Мусульманская практика хиджамы сопровождается осуществлением намерения перед процедурой, верой в джиннов и надеждой на божественную помощь в выздоровлении и воспринимается как средство исцеления и религиозного поклонения. В отличие от мусульман немусульмане чаще всего практикуют хиджаму как часть китайской медицины, отрицают исламские корни процедуры и пытаются провести границу между собственной, по их убеждению, более сложной практикой и «упрощенной» мусульманской.

Ключевые слова: *кровопускание, хиджама, ислам, пророческая медицина, антропология религии.*

Илья Крапивин
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

HIJAMA (BLOODLETTING) IN ST. PETERSBURG: AT THE INTERSECTION OF CHINESE MEDICINE AND ISLAM

Ilya
Krapivin
krapivin585@gmail.com

This study addresses the question of how Muslim therapeutic bloodletting, known as hijama, coexists in both Muslim and non-Muslim contexts. This paper identifies the rhetoric and religious representations associated with the procedure by the hajama specialists, the Hajjam, and how these change as the practice moves out of the Muslim and migrant field during the gentrification of hijama. The Muslim practice of hijama is accompanied by the fulfilment of an intention before the procedure, belief in jinn and hope for divine assistance in healing, and is perceived as a means of healing and religious worship. In contrast, non-Muslims most often practice hijama as part of Chinese medicine, deny the Islamic roots of the procedure, and attempt to distinguish between their own, in their belief, more complex practice and the 'simplified' Muslim practice.

Ilya Krapivin
European University
at Saint Petersburg

Keywords: bloodletting, hijama, Islam, prophetic medicine, anthropology of religion.

ВВЕДЕНИЕ

Хиджама — это лечебное кровопускание, получившее распространение в мусульманской среде в середине 2000-х годов. В ходе процедуры пациенту легкими и прерывистыми движениями лезвием наносятся неглубокие надрезы¹, на которые затем ставятся вакуумные банки для всасывания крови. По мнению практиков хиджамы, выход капиллярной крови улучшает самочувствие и приводит к излечению недугов². Несмотря на упоминания хиджамы в Сунне Пророка³, практиковавшего кровопускание, долгое время эта процедура была неизвестна в мусульманских регионах России и мира. Однако на фоне глобализации ислама, выражающейся в его стандартизации и «декультурации» (Руа, 2017), хиджама получила широкое распространение в мусульманских сообществах по всему миру и стала применяться для лечения и профилактики болезней.

- 1 Информанты называют их «насечки», чтобы подчеркнуть их нетравмирующий и безопасный характер.
- 2 Представлениям хаджамов об эффективности кровопускания и их отношению к биомедицине посвящена отдельная статья (Крапивин, 2024).
- 3 Сунна представляет собой примеры и рекомендации Пророка, которые помогают мусульманам понимать и интерпретировать содержание Корана и применять его в своей жизни. Таким образом, Коран и Сунна являются основными источниками мусульманской религиозной практики.

Пожалуй, наибольшую популярность хиджама снискала в среде мигрантов из Центральной Азии. Из-за бюрократических сложностей (например, института прописки, обеспечивающей доступ к здравоохранению) для многих из них затруднен доступ к медицинским услугам. Поэтому кровопускание предоставляет мигрантам альтернативу в области здравоохранения (Tugaeva, 2020, 2022). В России кабинеты хиджама, как правило, составляют часть мусульманской и мигрантской инфраструктуры — мечетей, мусульманских магазинов и рынков.

Проблема с доступом к медицине — не единственная причина обращения к хиджаме и, скорее, характерна для мигрантов из Центральной Азии. Для подавляющей части мусульман основной мотивацией для кровопускания выступает тот факт, что совершение хиджама, будучи Сунной, становится религиозным поклонением (ибадат). Кира Стиденрот (2019) делает акцент на том, что основной нарратив, который используется для продвижения хиджама, — это связь процедуры с Сунной, которая, будучи вторым после Корана мусульманским источником вероучения, является также образцом поведения для мусульманина. Стиденрот подробно рассматривает рекламу хиджама в индонезийских газетах и делает вывод, что попытка привлечь внимание читателя сосредоточена больше на Сунне, чем на самой хиджаме — текст сначала подчеркивает религиозный характер хиджама и только потом предоставляет информацию о ее лечебных свойствах.

Для последних лет характерна «джентрификация» хиджама, в ходе которой процедура вышла за пределы мусульманского сообщества и стала практиковаться немусульманами. Под джентрификацией принято понимать урбанистические преобразования, в ходе которых бедные районы города модернизируются за счет притока капитала. Одновременно с этим происходит замещение средним классом местного населения, как правило, относящегося к меньшинствам, бедного или с миграционным бэкграундом (Zukin, 1987). Нецто подобное произошло и в случае с хиджамой, когда процедура начала осуществляться немусульманами, чаще всего относящими свою практику к традиции китайской медицины.

О способах перемещения целительских практик и альтернативных методов лечения между Россией и Центральной Азией, пишет Анна Чешлевская (2021), используя концепцию духовной мобильности. Исследовательница утверждает, что миграция лечебных практик происходит в основном через неформальные сети доверия. Антрополог приводит пример своей информантки Нисо, которая благодаря китайке — коллеге с овощного рынка — научилась технике баночного массажа и хиджаме уже в эмиграции. Тем самым можно говорить о том, что мобильность целительских практик, и в частности хиджама, может происходить разнонаправленно — от мусульман к немусульманам и наоборот.

Перемещение процедуры между мусульманским и немусульманскими контекстами выявило ряд символических разногласий, связанных с исламской составляющей хиджама. Во-первых, адаптации подверглась сама процедура, из которой оказалась исключена религиозная составляющая: немусульмане игнорируют религиозный дискурс, связанный с кровопусканием. Во-вторых, хиджама оказалась точкой пересечения мусульман и немусульман, в которой они стали взаимодействовать друг с другом — пересекаться в процессе обучения кровопусканию или на самих процедурах. Однако само название «хиджама» даже в контексте немусульманского использования непосредственно связано с исламом, поскольку имеет арабское происхождение. Как оказалось, даже информанты, не являющиеся мусульманами, знакомы с исламскими текстами, касающимися хиджама. Например, двое из них проявляли осведомленность о количестве точек для кровопускания по

Сунне. Все это неудивительно, так как хиджама наиболее распространена среди мусульман, которые формируют дискурсивное пространство кровопускания.

Статья основывается на полевом материале 2022 года, собранном в Санкт-Петербурге путем интервьюирования и наблюдения работы хаджамов — мусульман и немусульман. Анжелика, Жанна и Владислав — немусульмане, практикуют восточную и китайскую медицину. Несколько особняком стоит Нина, по случайности начавшая практиковать кровопускание вне связи с какой-либо другой формой альтернативной медицины.

Еще три информанта — практикующие мусульмане: мигрант из Таджикистана Бахтиер научился делать кровопускание на стройке, как и новообращенный русский мусульманин Данис. Однако пути их развития в качестве хаджамов разошлись — Бахтиер практикует хиджаму время от времени, в то время как Данис обзавелся собственным кабинетом, начав заниматься кровопусканием на профессиональной основе. Фатима из смешанной русско-дагестанской семьи параллельно с хиджамой занимается косметологией, в ее случае кровопускание встраивается в ряд косметологических процедур. Все информанты начали практиковать процедуру примерно пять или десять лет назад и имели учителей, которые показали и объяснили им принцип работы хиджамы. У ряда информантов-немусульман, таких как Нина и Жанна, были наставники-мусульмане. Мама Нины порекомендовала ей процедуры после сеансов с хаджамом-арабом: он приезжал в бассейн, в котором та занималась. После того как кровопускание помогло матери Нины с проблемами в спине и давлением, она решила сама научиться процедуре, в чем ей помогла знакомая мусульманка. Что касается Жанны, то одним из своих учителей она считает турка-мусульманина, с которым она познакомилась в 1994 году уже после учебы у ламы в Китае — у него она обучалась китайской медицине.

В данной статье будет рассмотрено несколько ключевых сюжетов о том, как хаджамы — мусульмане и немусульмане — риторически взаимодействуют с исламом и исламскими образами. Во-первых, религиозные убеждения информантов-мусульман, включая практику намерения, веру в агентность Всевышнего в выздоровлении и представления о джиннах, делают хиджаму не просто лечебной процедурой, но и практикой поклонения. Во-вторых, ввиду того, что к хиджаме стали активно обращаться немусульмане, отдельный интерес представляет то, как хаджамы-немусульмане оспаривают исламскую генеалогию процедуры и выстраивают свои отношения с мусульманами.

ХИДЖАМА КАК СУННА И ПОКЛОНЕНИЕ

Для мусульман авторитет процедуры строится на ряде хадисов Пророка и нередко воспринимается ими не только как способ излечения или профилактики болезней, но и как форма религиозного поклонения — действия, цель которого заслужить вознаграждение от Всевышнего. Начиная рассказ про хиджаму, мои информанты чаще всего ссылались на то, что хиджама стала известна благодаря Сунне.

Тогда нет, не была так популярна, спрашивал у людей про хиджаму короче, а они говорили: «Нет, такого нет, не знаю, а что это такое?» Но я раньше в хадисах читал, Пророк говорил лечение в трех вещах: в меде, в хиджаме и в прижигании (Бахтиер).

То есть хиджама понимается не как недавнее изобретение, а как явление, имманентное традиции ислама поскольку о процедуре имеются упоминания в Сунне. Действительно, в сборниках можно обнаружить ряд хадисов, где упоминается кровопускание

(Аль-Асари, 2015). Как правило, все они выучены информантами и передаются ими практически дословно и единообразно от интервью к интервью. «Да, да... хиджама, это не мои слова, а слова пророка Мухаммеда: “самое лучшее, что вы можете себе сделать, — это хиджама”. Потому что он, когда поднимался на небеса, на каждом небе, короче, встречали его ангелы и говорили: “О Мухаммад, делай себе хиджаму и скажи своей умме, чтобы делали хиджаму”», — приводит хадисы Бахтиер.

Достаточно часто в текстах о хиджаме присутствует дискурс о возрождении. Так, например, в названии книги известного дагестанского хаджама Мухаммада Абдурахманова (2017) фигурирует словосочетание «забытая Сунна», к которой люди стали возвращаться из-за разочарования в западной медицине.

Другой известный хаджам, основатель клиники «Хиджама Сунна» Тимур Ахматянов, в своей книге делает вывод, что хиджама — это не новая практика, придуманная или привезенная из арабских стран или Китая, а забытая древняя процедура. В доказательство этого утверждения он приводит фрагмент из книги Антона Чехова «Мужики», где описывается процедура, похожая на хиджаму. Ахматянов пишет, что в дальнейшем, в советское время, хиджаму заменили простым методом постановки банок без надрезов, поскольку пускание крови считалось опасным и вредным из-за несоблюдения правил асептики и антисептики. А затем, в постсоветское время, массаж банками стал считаться опасным и вредным, поскольку доступные процедуры мешали развиваться фармацевтической индустрии (110 *вопросов по Хиджаме*, б.г.).

Некоторые мусульмане делают хиджаму исключительно в целях поклонения и следования Сунне Пророка. Подобные случаи происходили даже у Владислава, хоть он и не мусульманин:

Минимум 50%, кто ко мне обращался из мусульман: «Что у вас болит, что беспокоит», а они мне: «Нет, ничего не болит, просто это Сунна — Пророк как бы ее делал, и мы хотим делать» (Владислав).

Однако существует и альтернативное мнение, согласно которому хиджама становится Сунной только при обращении к ней в качестве способа лечения, а проведение ее без показаний не имеет статуса желательного действия. Это обосновывается тем, что Пророк и его сподвижники делали себе кровопускание, только когда у них были проблемы со здоровьем.

По словам Даниса, его клиенты часто скрывают свои болезни, когда апеллируют к Сунне, так как не хотят жаловаться на здоровье и показаться немужественными:

Мой основной диагностический инструмент — это опрос. То есть человек просто жалуется на то, что у него болит. Поэтому мне особенно сложно работать с чеченцами и дагестанцами. Вот представь, человек приходит ко мне в кабинет делать хиджаму и на вопрос «что болит?» он отвечает, что ничего не болит. У них есть отмазка. Они не могут прийти к терапевту и сказать, что у них ничего не болит. А сюда могут, говоря, что это Сунна Пророка.

У Фатимы также есть пациентки, стремящиеся соблюдать Сунну: информантка рассказала, что они делают хиджаму в определенные дни — 17, 19 или 21-й день месяца и понедельник, вторник и четверг, так как эти даты Пророк назвал наиболее благоприятными для кровопускания. Хотя на этот счет мусульмане черпают предписания из Сунны, проводить хиджаму конкретно в эти дни не обязательно. «Как форма врачевания, кровопуска-

ние не следует ограничивать к какому-либо особому времени, его следует совершать, как только возникнет необходимость у больного», — сказано в PDF-документе о хиджаме из исламской группы во ВКонтакте. Там же приводится аргументация, что третья четверть месяца наиболее благотворна для хиджамы, так как в теле наиболее сильный кровоток в начале месяца и более спокойный в конце, поэтому кровопускание нужно проводить где-то ближе к середине месяца (*Это и есть истина*, б.г.).

НАМЕРЕНИЕ И ЧТЕНИЕ СУР ВО ВРЕМЯ ХИДЖАМЫ

Что касается самой процедуры, то в нее может быть встроен ряд религиозных действий. Перед началом кровопускания должно быть осуществлено так называемое намерение⁴ — произнесение специальной формулы, которая превращает то или иное действие в поклонение. Для практикующих мусульман намерение является основой любого действия, объяснил Данис. Это обусловлено тем, что благодаря намерению в поклонение можно превратить любой аспект жизнедеятельности. Например, во время еды человек может сделать намерение о том, что он ест ради поддержания сил для поклонения Аллаху, и тем самым приобрести награждение от Всевышнего просто за прием пищи (Хайат, 2016). Данис рассказал, что он осуществляет намерение только с пациентами-мусульманами:

Опять же, все от намерения зависит. 24 часа человек может поклоняться Всевышнему. То же самое и с хиджамой. То есть мы делаем намерение, когда человек уже лежит, я уже, как говорится, стою у него за спиной с ножом. Да, и мы делаем намерение выполнить Сунну нашего любимого Пророка, просим у Всевышнего, чтобы он вместе с этой грязной кровью вывел из нашего организма явные и тайные заболевания, мы просим у Всевышнего силы для наилучшего поклонения ему, бисмилях. И мы начинаем процедуру.

Фатима рассказала о важности намерения и отметила, что делать хиджаму у мусульманок эффективнее, так как они включают суры Корана при проведении хиджамы и просят исцеления у Всевышнего. Вдобавок к этому суры Корана помогают защитит и самого хаджама от «плохой энергетики» или джиннов.

Что примечательно, на первом сеансе хиджамы, который я наблюдал, Данис и его пациенты не произносили намерение вслух. Как объяснил информант, намерение находится в сердце и произносить его нет надобности, потому что каждый делает его про себя.

Некоторые расхождения обнаруживает практика чтения аятов во время процедуры. Бахтиер читает некоторые суры⁵ Корана про себя, а его знакомый хаджам Мухаммад читает их вслух, но перед началом хиджамы. На одном из сеансов, который я наблюдал, пациент читал суры шепотом, лежа на кушетке. Фатима всегда включает аяты — особенно когда к ней приходят пациентки с одержимостью, выраженной в панических атаках, депрессии и присутствии голосов в голове. Также она обратила внимание на то, что аяты Корана являются ее защитой при таких процедурах.

Можно сказать, что хиджама является не только медицинской процедурой, но также служит средством для осознания себя мусульманином ввиду своего статуса желательного действия (суннат). Занятие хиджамой может становиться способом укрепления мусульманской идентичности, особенно для тех, кто ищет свой путь к религиозности и хочет

4 Часто произносится с ударением на третий слог, устоявшийся перевод арабского термина «ният» (نية).

5 Преимущественно аль-фатиху и аль-ихляс.

обрести чувство принадлежности к мусульманскому сообществу. Например, Данис начал заниматься хиджамай будучи новообращенным мусульманином, а Бахтиер, «грешивший» по молодости, с возрастом решил обратиться к исламу и усилить собственную религиозность, не в последнюю очередь за счет хиджама.

«НЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ, КРОМЕ ИСЦЕЛЕНИЯ, КОТОРОЕ ОТ АЛЛАХА»: БОЖЕСТВЕННАЯ АГЕНТНОСТЬ В ВЫЗДОРОВЛЕНИИ

Рассказы о том, за счет чего происходит исцеление, отмечаются двойственностью, так как, с одной стороны, в выздоровлении играет роль воля Всевышнего, без которой излечение невозможно, а с другой стороны — состояние самого человека и квалификация хаджама.

Что угодно помогает или не помогает по воле Всевышнего. Неважно, хиджама это, таблетки, операции — неважно. ... Ну, на твердую четверочку, наверное, я делаю процедуру. Но упираемся в диагностику, есть вещи, которые... Может, знаний не хватает, может навыков, чтобы вот именно этому человеку проставить индивидуально банки так, чтобы решить его проблему. То есть если бы он попал к другому специалисту, который бы поставил ему банки чуть-чуть по-другому, может, и эффект был бы другой. Но здесь мы всегда говорим, что проблемы нам посылает Всевышний и, чтобы их решить, нужно сперва получить разрешение на решение этой проблемы у Создателя (Данис).

Бахтиер просит Всевышнего перед процедурой, чтобы тот помог ему вылечить человека, и поясняет, что его действия не исцеляют, а являются лишь «причиной» для исцеления, потому что здоровье и болезни дает Всевышний, что опять же не до конца отрицает агентность хаджама. Как пишет Абдурахманов (2017) в своей книге: «Эффект лечения зависит от опытности, знаний, мастерства врача, а исцеление — от Всевышнего» (с. 80).

Этот же вопрос разбирается в PDF-документе «Основы лечения по Сунне», составленном администраторами группы ВКонтакте «Это и есть Истина!»⁶. В нем говорится, что в конечном счете именно Аллах решает, кто вылечится, а кто — нет, но одной из причин неудачи может быть то, что в данном случае лечащий выбрал неправильный метод. Для объяснения этого противоречия авторы документа приводят следующий хадис: «Для каждой болезни есть лекарство, и если лекарство и болезнь совпадают, то человек вылечивается по воле Аллаха» (*Это и есть истина*, б.г.). Иными словами, здесь прослеживается та же самая логика причинности, к которой обращались мои информанты.

Такую же двойственность обнаружил рассказ Бахтиера о причинах болезни. Например, Всевышний определил, что такое дозволенное и харам, наделив второе не только пагубными для текущей жизни последствиями, но и сопряженными с грехом и влияющими и на жизнь человека в ином мире. «С точки зрения ислама, нет запрета ради запрета: если тебе что-то запретили, то это вредно для тебя. И так во всем», — поделилась аналогичной мыслью Фатима.

Фатима тоже называет себя посредницей, которая «создает причины» для выздоровления, в то время как Всевышний непосредственно дает здоровье. Информантка уверена, что болезнь дается не просто так, потому что она является либо наказанием, либо проверкой веры человека, что в конечном счете способствует избавлению от грехов. Таким образом, мусульмане рассматривают Бога как того, кто в конечном счете контролирует здо-

6 Отдельно необходимо отметить, что группа, судя по риторике, салафитская, так как в некоторых постах и обсуждениях можно обнаружить критику сторонников суфизма.

ровые и болезни. Каждый агент лечения рассматривается как Божий инструмент и играет различные роли в процессе исцеления (Padela, 2012).

ОПЛАТА ХИДЖАМЫ И НАГРАДА ОТ ВСЕВЫШНЕГО

Вопрос оплаты представляет собой интерес в плане возмездности и моральных установок, касающихся денег. Начать стоит с того, что информанты разделяют некоторые принципы, выражающиеся в классификации пациентов на более и менее заслуживающих скидку. В случае с мусульманами безвозмездность может быть обусловлена религиозной верой в то, что хиджама, будучи Сунной, в любом случае приносит награду от Всевышнего, поэтому фактическая оплата не играет существенной роли. Часто это выражается в том, что хаджамы-мусульмане могут пренебречь оплатой за процедуру, потому что помимо денег они зарабатывают награду от Аллаха, которая для них наиболее ценна:

То, что я получаю за это награду, то, что я исцелила человека, облегчила боль человеку. Я на большие уступки иду, закрывая на все глаза, потому что больше я отношу это к своей религии. Потому что лучше я получу за это награду от Всевышнего, чем деньги (Фатима).

Бахтиер в целом не просит оплату за свои услуги, но принимает деньги, если ему их предлагают. Можно сказать, что это тоже является своего рода оплатой, которая негласно предполагается и именуется в мусульманском тезаурусе как «садака», то есть милостыня. «Информант также отметил, что подходит к хиджаме не как к средству заработка, а как к Сунне Пророка, благодаря которой он зарабатывает «благое»:

Если человек убил невинного человека, то грех зарабатывает будто убил всех людей на свете, а если от смерти спас, то такое благо будто всех людей спас. Вот с таким убеждением я делаю кровопускание. Не смотрю на дни, на час, сразу делаю ему кровопускание.

Немусульмане определяют льготные категории исходя из личных морально-нравственных предпочтений о том, какая группа людей наиболее заслуживает помощи. Анжелика готова делать скидки пенсионерам, а Жанна делает процедуру бесплатно детям с ДЦП, раненым в ходе российско-украинского военного конфликта, а также безвозмездно обучает матерей, чьи дети страдают от аутизма. Владислав бесплатно консультировал своих клиентов во время пандемии COVID-19, но к оплате за свои услуги хиджамы и акупунктуры он относится иначе:

Ну вообще процедура связана с определенным риском, это же не пирожок, на который скидку делаешь. Я поставил три иголки — все, не болит, за 20 минут две тысячи? Если не болит больше, то какой вопрос. Я поставил за 20 минут, но это 30 лет на обучение плюс 20 минут.

Информант подчеркивает длину своего профессионального пути в качестве причины, по которой оплата не может быть факультативной. «Я когда что-то изучаю, то трачу свои деньги и время, и если деньги можно восстановить, то время никак не вернешь», — пояснил Владислав. Вместе с этим информант рассказал историю о непонимании между ним и его клиентами во время работы в Бишкеке:

В: Да, говорят, вот тебе деньги — это садака. Знаешь, что это?

И: Ну да, милостыня.

В: Я говорю, дорогой друг, это не милостыня, я работал, это мои знания.

Если для части мусульман, о чем рассказывал Бахтиер, приемлема оплата в формате садака, когда пациент волен сам выбирать количество средств, которое он заплатит за хиджаму, то для Владислава такой подход оказался в некоторой степени оскорбительным. Информант не согласен даже с тем, чтобы оплата за его труд и знания именовалась милостыней, потому что в само слово заложено понимание его как добровольного платежа. Тем самым вопрос оплаты приобретает, с одной стороны, моральную нагруженность, предполагающую скидки определенным категориям людей, но, с другой стороны, за счет профессионализации хиджама становится средством зарабатывания денег и в некотором роде бизнесом.

Джинны и хиджама

Согласно Корану, Аллах создал джиннов вместе с людьми и ангелами, но, в отличие от последних, джинны обладают свободой воли, подобно людям. В исламской концепции мира джинны и люди сосуществуют бок о бок и разделяют жизненное пространство, но мир джиннов невидим для людей. Сам Коран обращается как к людям, так и к джиннам, которые считаются двумя единственными разумными видами на Земле (Трофимова и Ярлыкапов, 2022). Хотя вера в джиннов не является одним из пяти столпов ислама, верующий мусульманин все равно обязан верить в существование джиннов, так как они упоминаются в Коране и пророческой традиции. Мусульмане верят в то, что джинны могут вступать во взаимодействие с людьми и стремятся воздействовать на их жизнь (El-Zein, 2009).

Вера в джиннов также оказывает влияние на процедуру: хиджама может быть катализатором одержимости, которая проявляется во время ее проведения. За время своей практики хиджама Данис наблюдал выход джиннов два раза — пациент начинал выгибаться и говорить не своим голосом.

Тимур Ахматянов объясняет воздействие хиджама на джиннов тем, что хиджама, являясь Сунной, «относится к религии Ислам», а всё, что относится к исламу, — ненавистно джиннам. «Если плохие джины слышат азан или чтение Корана, это всё для них ненавистно и неприятно, то же самое с хиджамой, если у пациента есть джинн, то этому джинну становится очень плохо во время хиджама», — поясняет он (*110 вопросов и ответов по Хиджаме*, б. г.). Как считает Бахтиер, хиджама может не изгнать, но как минимум ослабить джинна. К нему на хиджаму мулла посылал тех, у кого джинна не получалось «вытащить» при помощи сеанса экзорцизма — руки.

В русскоязычном сегменте интернета размещен текст о хиджаме и джиннах, который перепечатан на множестве мусульманских сайтов. В нем говорится о том, что джинн может локализоваться в разных местах, но чаще всего он находится в мозгу, чтобы контролировать тело человека. При одержимости человек может ощущать боли между плечами и внизу спины, пульсации в теле и легкие движения в голенях, животе и бедрах. В тексте утверждается, что хиджама способна лечить и душевные болезни, особенно если одновременно с ней читать рукью.

«Дело доходит до того, что некоторые джинны плачут, когда перед человеком, который одержим ими, произносят слово “хиджама”. Если ты спросишь его: “Почему ты плачешь?” — он скажет: “Я не хочу идти к хаджаму или хаджамке”. В некоторых случаях, когда ты положишь банку на место, где концентрируется джинн, больной начинает трястись и дрожать. Иногда джинн может приходить и разговаривать с тобой. Некоторые говорят:

“Ты сахира («колдунья»), как ты узнала мое место?” И он начинает ругаться, сквернословить и издеваться», — сказано на сайте (*Текст о джиннах*, 2020).

Далее в тексте описываются признаки, по которым можно определить, что хиджама нанесла страдания джинну: чувство радости у пациента, сильная тряска, судороги, тошнота и рвота, крик и плач, обморок. Хиджама оказывает действие на джиннов, так как они перемещаются по телу человека вместе с кровью и могут быть причиной накопления вредных веществ в мышцах и венах, которые выводит кровоупускание (*Хиджама для одержимых джиннами и больных психическими заболеваниями. Опыт*, 2017). Фатима также обращала внимание на то, что джинн или порча локализуется в определенных местах в теле: например, если у женщины бесплодие, то джинн или порча находятся в матке.

Не каждый хаджам готов работать с одержимостью, так как это связано с рисками. Данис объяснил это тем, что при выходе «потусторонней сущности» хаджам беззащитен, его может защитить только Священный Коран, — но он не готов сознательно работать с этими сущностями. «Грубо говоря, у нас в мечети хафиз не будет читать, он не работает с джиннами. Потому что это страшнее гепатита, СПИДа, всей этой пакости. Потому что потусторонняя сущность внутри... Это вообще не то. Если человек работает с джиннами, то в какой зоне риска он находится? Ответ очевиден. Это все намного сложнее и опаснее, чем хиджама, чем любые процедуры вообще», — рассказал Данис.

Нередко мусульмане относят слаз и одержимость к душевным болезням. «У каждой болезни по исламу есть духовные и физические проявления. Духовные — это порча, слаз, колдовство, одержимость джиннами. Их диагностировать медицинскими аппаратами или анализами невозможно. Но при этом состояние человека ухудшается, у него постоянно чувство страха, сомнения, паники. В таком случае лучшее лечение — чтение Корана и правильный режим», — рассказал специалист по исламской медицине Мухаммад-хаджи Абдурахманов (Магомедов, 2021). Необходимо отметить, что осмысление одержимости в качестве болезни неминуемо влечет обращение к биомедицинскому дискурсу.

Д.А. Опарин (2021) отмечает, что экзорцизм не функционирует изолированно от других медицинских систем. Исследователь подчеркивает связь рукьи и биомедицины — многие из пациентов мулл имеют диагностированные медиками недуги. Кроме этого, язык биомедицины включается в повествования пациентов о заболеваниях: например, тахикардия ассоциируется с радостным беснованием джинна. Помимо этого, они используют термины «диагноз», «симптоматика», «нервная система», «хронический характер» и другие. Нередко люди обращаются к экзорцизму параллельно с биомедицинским лечением и не находят в этом противоречий.

Матео Диесте (2015) на марокканском материале также обнаруживает, что научный дискурс проникает в язык исламских экзорцистов. Риторика этих экзорцистов об одержимости духами определяет некоторые недуги как проникновение джиннов в тело с помощью физических механизмов, сравнимых с процессами, происходящими с микробами. Исследователь выдвигает тезис, что в 1990-е годы на волне реисламизации техники изгнания джиннов были актуализированы и дополнены представлениями современной медицины и науки.

Хаджам Амина в своем инстаграм-профиле рассказала, что не верила в колдовство, пока к ней на хиджаму не пришла пациентка, которая во время процедуры начала говорить грубым голосом и издавать животные звуки. Амина пишет, что джинны перемещаются по организму человека вместе с кровью, способствуя накоплению вредных приме-

сей в нервах и мышцах. Хиджама, в свою очередь, как раз помогает выводить эти примеси из организма. Джинны могут почувствовать, что сглаз или колдовские вещества выводятся посредством хиджама, поэтому они заставляют одержимого беспокоиться во время процедуры и проявлять агрессию или эмоции — слезы или смех. Некоторых людей джинн может заставить покинуть сеанс кровопускания либо сделать процесс очень болезненным для пациента, чтобы он не пришел на процедуру повторно и прекратил лечение. В конце хаджам добавила, что пользуется не пластиковыми вакуумными банками, а стеклянными, потому что колдовство боится огня (Бахриддинова, 2022).

К Фатиме на хиджаму нередко приходят пациентки с паническими атаками и депрессией. Одна из посетительниц лечилась Кораном и делала хиджаму, будучи немусульманкой. Девушка слышала голоса и перед посещением мусульманских целителей пробовала много других способов лечения, вплоть до стационара в психиатрической больнице.

У нас это называется сглаз или порча. Ей намного лучше после хиджама, смогла нормально поспать всю ночь. Когда панические атаки, когда депрессия, в исламе говорится, что у этого человека джинн сидит либо сделали порчу, либо сглаз (Фатима).

Таким образом, вера в существование джиннов влияет на религиозные и повседневные практики мусульман, в том числе и на хиджаму, которая может быть катализатором одержимости и способом избавления от нее. Хотя основной метод борьбы с одержимостью заключается в чтении Корана, кровопускание способно ослабить джинна и используется вместе с рукьей в качестве вспомогательной процедуры. В статьях о действенности хиджама и о механизмах ее работы обнаруживается обилие медицинской терминологии и ссылок на биологические процессы. Однако душевные болезни и порча с одержимостью, которые часто объединяются мусульманами в одну категорию, будто бы выпадают из этого объяснения. Именно в случае таких болезней религиозное измерение хиджама — ее связь с Сунной и мусульманским благочестием — наделяет ее эффективностью не только на физическом, но и на трансцендентном уровне.

ХИДЖАМА НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КИТАЙСКОЙ И ИСЛАМСКИХ ТРАДИЦИЙ

Кровопусканием занимаются не только мусульмане: в последнее время хиджама вошла в терапевтический репертуар немусульман, как правило, практикующих китайскую или, шире, «восточную» медицину. Общим местом для моих информантов-немусульман было оспаривание исламской генеалогии процедуры, но, несмотря на это, они использовали арабский термин «хиджама» и в разговоре со мной, и в своих постах в социальных сетях. «Это более раскрученная тема, а что я скажу, багуан?» — ответила Жанна на мой вопрос о названии процедуры. Что примечательно, в самом начале беседы информантка сделала оговорку, что ей не нравится слово «хиджама», но она использует его, так как из всех возможных наименований именно оно стало наиболее популярным. «Наверно, потому что мусульмане активно ее внедряли и использовали», — предположила она. Примечательным оказался отзыв на сайте «Recommend.ru», в котором девушка рассказывает о своем опыте кровопускания в Москве. Несмотря на то что процедуру проводил китаец вместе с переводчиком и помимо кровопускания ставил иголки, процедура все равно называется хиджамой (*Хиджама не больно, эффект заметен сразу*, 2022). Аналогично Владислав, практикующий китайскую медицину, использует слово «хиджама» взамен тибетских и китайских терминов, так как оно «у всех на слуху».

Впрочем, признание первенства мусульман в распространении кровопускания не влияет на то, что мои информанты отрицали исламские происхождение и принадлежность хиджамы. Если Нина просто признавала ее интернациональной, то информанты — целители китайской медицины настаивали на том, что процедура возникла в Китае. Общими деталями в логических построениях о генеалогии процедуры являются апелляции к большей древности китайской медицины и путешествиям арабов.

Пророк Мухаммед путешествовал по Востоку, и ему делали кровопускание, которое он назвал арабским словом «хиджама», или «высасывание». Надо понимать, что ислам — это самая молодая религия, ей менее полутора тысяч лет, а китайской медицине около 5000 лет. И изначально ноги растут из китайского капиллярного кровопускания. И никакого отношения к мусульманам эта процедура не имеет — только тем, что они взяли это на вооружение и начали делать, кастрированную, урезанную, кусочек из той процедуры, которая изначально (Анжелика).

В вышеприведенном фрагменте антагонизм китайского и мусульманского вариантов хиджамы вытекает из того, что арабы позаимствовали процедуру, а затем стали практиковать ее в неполном виде. Тем самым часть информантов-немусульман причисляет себя к более древней и осознанной традиции китайской медицины, в то время как современная мусульманская хиджама в их представлении не обладает достаточной полнотой. По мнению Владислава, мусульмане не до конца понимают весь механизм хиджамы и работают «на самом первом, примитивном уровне». Это обусловлено тем, что по исламским писаниям мусульмане применяли всего семь точек для хиджамы, в то время как в китайской и тибетской традициях существовали более широкие рефлексотерапевтические атласы.

А: У мусульман всего 6 подтвержденных точек, которые описаны, с названиями. А все остальное — это китайская рефлексотерапия, атлас, который они используют, — в том числе.

И: То есть вы делаете по китайской медицине?

А: В большей степени да, потому что то, что делают мусульмане, — это два прихлопа три прихлопа (Анжелика).

Анжелика также упомянула китайские атласы с точками, но в ее рассказе фигурировало 6 подтвержденных мусульманских точек. Мусульмане и правда нередко используют атласы, составленные на основе точек китайской медицины. Известный дагестанский хаджам Мухаммад Абдурахманов утверждает, что в Сунне описывается семь точек, в то время как остальные 150 пришли из китайской рефлексотерапии (Гуруева, б. г.).

Еще в начале своей практики Данис познакомился с мужчиной, который занимался иглоукалыванием и принял ислам с именем Валиулла. Он был посетителем дагестанской мечети и захотел научиться делать хиджаму. «Он как раз специалист по иглоукалыванию. И, естественно, когда он принял ислам... человек начинает в исламе искать то, что ему близко — исламская медицина», — рассказал хаджам.

Данис объяснил, что и в хиджаме, и в иглоукалывании один и тот же атлас основных точек, а потому это он учился у Валиуллы, а не он у него, так как Валиулла обладал большими практическими и теоретическими знаниями о точках на поверхности тела человека и их влиянии на физиологическое состояние.

Скажем так, человеческий организм не меняется, любые воздействия, которые мы будем применять, будь то гуаша массаж, зоны захаре аюрведа, акупунктура-иглоукалывание, хиджама, пиявки, мы всегда и везде будем работать с одними и теми же точками: с седьмыми

шейным позвонком, с поясницей, с крестцом, с копчиком, с точками внутренних органов, мочевого пузыря. Мы даже пользуемся терминологией традиционной китайской медицины, потому что организм-то, он один (Данис).

В этой цитате хиджама ставится информантом в общий контекст альтернативной медицины, разнообразные практики которой перечисляются через запятую и признаются одинаково действенными ввиду наличия некоего объективного, практически научного и универсального знания о теле.

Еще один пример подобного взаимодействия разных медицинских традиций демонстрирует Сара Хиллеварт (2021) в исследовании кенийских мусульманских сообществ. В рекламе клиники *Nijama Holistics*, принадлежащей кенийской мусульманке, исследовательница увидела фотографии известных спортсменов со следами от хиджамы⁷. Среди знаменитостей были баскетболист Деррик Роуз и пловец Майкл Фелпс. «Идентификация этих следов как следов хиджамы интерполировала эти тела как особые виды тел — тел, которые подтверждают и демонстрируют медицинскую ценность и, таким образом, научную мудрость, стоящую за практикой Сунны», — пишет Хиллеварт. Исследовательница обнаруживает в этом попытку практиков хиджамы легитимизировать свою процедуру за счет расширения сферы ее применения за пределы религиозности. В результате этого приема хиджама должна перестать восприниматься как маргинальное явление альтернативной медицины, став вместо этого способом обретения здорового и современного тела. В российском контексте тоже нередко обнаруживаются изображения Майкла Фелпса (*Олимпийских спортсменов уличили в исламском «допинге»*, 2016), а вместе с ним практику хиджамы приписывают Джастину Бибери и Дженифер Энистон (*Хиджама Москва*, б.г.).

В отличие от Даниса, не практикующего дополнительно к хиджаме иные виды альтернативной медицины, целительский арсенал Жанны поражает своим охватом. Помимо распространенных процедур гирудотерапии, иглоукалывания и тибетского массажа железным венником, она прибегает к различным вспомогательным устройствам, таким как аппликатор Кузнецова и лежак «доктор Рэдокс». Первый воздействует на рефлексогенные зоны при помощи шипов, встроенных в коврик, а второй, согласно описанию, генерирует особые биотоки за счет наличия игловидных электродов из сплава на основе серебра. «То есть там такой металл, что тело человека — оно же тоже обладает электромагнитным полем — и по лежаку пропускает, и чистит», — объяснила информантка. На нем лежат ее пациенты во время процедуры, а на аппликатор встают, прежде чем лечь на кушетку.

Он [аппликатор] к мусульманству не имеет никакого отношения, но при этом идет стимуляция точек... на ступни. Ну, то есть это какие-то такие моменты — они влияют, это же тоже стимуляция (Жанна).

В этом фрагменте Жанна сравнивает хиджаму, означая ее как мусульманскую, с аппликатором и лежаком, которые обладают схожими принципами работы, основанными на работе с точками, но не имеют отношения к исламу. Тем самым информантка подчеркивает, с одной стороны, вторичность ислама по отношению к хиджаме, а с другой — внеположенность и универсальность ее свойств по отношению к другим формам целительства.

Владислав, сравнивая мусульманский метод постановки банок с китайским, рассказал, что последний сложнее, так как банки ставятся не только на то место, где болит, но и на

⁷ Часто из-за банок на коже появляются круглые синяки, которые сохраняются какое-то время после процедуры.

противоположные места за счет системы меридианов. «Например, при лечении геморроя я могу банки поставить там, где-то в районе колена», — пояснил он. Другая информантка, Жанна, сравнивала надрезы в китайской и мусульманской хиджаме. По ее мнению, мусульмане делают большие и глубокие надрезы и используют обычные бритвы, в то время как она наносит порезы обрезающей бритвой, потому что так вместе с кровью выходит некая слизь⁸, что выгодно отличает ее формат процедуры от мусульманской. Помимо этого, информантка отметила, что хаджамы-мусульмане чаще всего совмещают кровопускание с какой-либо работой, что, по ее мнению, сказывается на качестве процедуры.

В перерывах между продажей шаурмы они насечки делают. Короче, много, кстати, хаджамов, которые там резали овец, сюда приехали и тут он уже хаджам. Некоторые звонят и спрашивают: «А можно выучиться? Я делаю уже хиджаму, мне нужен сертификат получить». Я прошу прислать видео или прийти показать, как они делают. Это же моя ответственность, выдавать такое... Если он кромсает как попало, такие тоже попадают. Они очень хитрые — они это свое неумение списывают на религиозность: «Аллаху⁹ тоже было больно, надо терпеть». Не один раз с этим сталкивалась. На Апрашке двое таких сидят — один торгует шаурмой, другой еще чем-то. У обоих подвал темный, грязный в подворотне (Жанна).

Действительно, часто хиджамы не становятся даже вторым родом деятельности, так как она может практиковаться и без специальной подготовки: особенно часто это происходит в рабочих мусульманских коллективах, например на стройках. В таком случае «китайская» хиджамы действительно оказывается более профессионализированной — для моих информантов она является основной работой. Однако это не отменяет того факта, что подобные замечания высказаны весьма специфичным образом. Например, только эта цитата обнаруживает несколько основных маркеров языка ксенофобии. Во-первых, мигранты представлены в ней гомогенной группой, а во-вторых, мигранты-хаджамы противопоставляются местным на основе их социального статуса — продажа шавермы в грязном подвале подворотни в данном контексте выступает символом низкой рабочей квалификации и бедности (Зверева, 2014). Все остальные информанты, ассоциирующие свою практику кровопускания с традицией китайской медицины, так или иначе критиковали мусульманский подход за неполноту и недостающую компетентность хаджамов-мусульман.

Молодой человек, я прекрасно знаю, кто занимается хиджамой: это полубразованные сельские парни, которые спортсмены, в частности. Я очень хорошо знаю контингент, кто этим занимается. Он приехал из деревни, два года живет в Питере, по-русски еле говорит и он уже специалист по хиджаме. Кто-то к нему идет, да, потому что кто-то считает, что если Мухаммед делал, то и нам поможет с вами. А у меня другой подход (Анжелика).

По этой причине весьма проблематично говорить о каком-либо фактическом содержании разных видов хиджамы, однако можно констатировать, что хаджамы, причисляющие себя к разнообразным традициям, производят между ними некоторые проницаемые границы.

У меня есть и те и другие, и те, кому нужна информация и качественные процедуры, не смотрят, мусульманка я или нет. У женщин точно — мужчины, которым нужно, чтобы с ними работала женщина, то они не придут, если они такие ортодоксальные, хотя, если прижмет

8 В интервью информантка не раз делала акцент на слизи и заявляла о том, что ее методика хиджамы авторская. Ни в одном другом интервью или ином источнике я не обнаруживал каких-либо упоминаний о слизи при хиджаме.

9 Вероятнее всего, информантка имеет в виду Пророка Мухаммеда.

так, что деваться будет некуда, придут и они. У них есть правило: если вам плохо и совсем деваться некуда, то и ишак подойдет в качестве доктора, там все очень интересно (Анжелика).

Как следует из цитаты, Анжелика скептически относится к мусульманскому благочестию, обнаруживая в нем непоследовательность. Подобная риторика встречалась и в других интервью: так, Владислав рассказал, что, работая в исламском центре в Бишкеке, обсуждал с хозяйкой центра урилотерапию, которую она категорически не принимала ввиду ее недопустимости в исламе. Однако по прошествии какого-то времени хозяйка сама рассказала ему, что арабские ученые открыли пользу мочи верблюда.

Я ей говорю: «То есть человеческая моча — это харам, а верблюда — это лекарство, это халляль?» На такие вопросы они ответить не могут. Когда я зажигал в кабинете свечу — это нельзя, это если огонь, то с джиннами общаешься, я говорю: «А вы готовите на огне, то это тоже джинны вам помогают?» (Владислав).

Особый случай, связанный с джиннами, произошел с Жанной, когда к ней пришел мусульманин с пузырьками на коже, из которых вытекала жидкость, и заявил, что ему срочно нужно поставить хиджаму, потому что из него таким образом выходит джинн. Жанна попыталась переубедить пациента, доказывая, что у него симптомы герпеса.

Он такой мне скандал устроил, что я ничего не понимаю и зачем берусь за хиджаму, если не выгоняю джиннов. Почему я недолюбливаю мусульман? Потому, что они забивают голову людям — человеку нужно лечить герпес, а они советуют идти к бабке, чтобы джиннов выгоняла, или в мечеть сходить. Они все такие. Сколько с ними сталкивалась, они все твердолюбые, упертые, у них все подвязано — в Коране написано, что это злой дух, они придерживаются, что кроме хиджамы и кыста¹⁰, ничего не надо, ну можно мед немножечко (Жанна).

В основном, рассуждая о различиях мусульманской и китайской хиджамы, информанты упоминали технические расхождения, практически не уделяя внимания религиозной подоплеке хиджамы. Лишь одна из информанток коснулась религиозной стороны процедуры, так как она сама научилась кровопусканию благодаря мусульманке.

Я попросила научить меня, но она отказала — «это мусульманская тема, ты должна быть мусульманкой». Я просила научить только технике, без молитв, безо всяких танцев с бубнами. Она все же отказала. Но я продолжала уговаривать и в какой-то момент она сказала, что очень долго молилась по этому вопросу и ей пришло, что она должна меня научить (Нина).

В этом фрагменте идет речь о том, что Нина как бы секуляризовала хиджаму, исключив для себя из нее «танцы с бубнами», в то время как «китайские» хиджамы просто присваивали процедуру, укореняя ее в традиции китайской медицины. Хотя мусульманка, учившая Нину хиджаме, рассказывала ей про Коран, она все равно решила отказаться в своей практике от каких-либо религиозных компонентов процедуры — более того, именно в этом информантка обнаружила преимущество и привлекательность ее способа хиджамы. «Я делала медицинскую процедуру, без всяких молитв и намазов», — говорит она. Иными словами, Нина придает большую легитимность своей процедуре за счет ее сближения с биомедициной и изъятия из нее религии и духовности. В этой же причине информантка видит популярность своего подхода, так как пациенты «шли к ней косяками», потому что им не нужно, чтобы «вокруг них танцевали с молитвами».

10 Кыст аль-Хинди — лекарственное растение, которое активно используется в исламской медицине наравне с черным тмином.

Таким образом, хаджамы-немусльмане обнаруживают различия в мусульманской и практикуемых ими процедурах. Лишь Нина, научившаяся хиджаме благодаря мусульманке, сравнила китайскую и мусульманскую хиджамы в пользу последней. «Мусульмане хитрее, чем китайцы, кстати. В иглоукалывании ведь можно не попасть в нужную точку. А мусульмане берут очень большую проекцию — мы точно попадем в эту точку», — сказала Нина. Пусть она и секуляризовала процедуру, но на ее исполнение в некоторых аспектах повлияло то, что учительницей Нины была мусульманка. Например, информантка использовала методички с точками, которые распечатала ее учительница, — информация в них была на арабском, но девушка перевела эти записи и переписала от руки для Нины.

Подобный пример секуляризации религиозной практики не уникален. Например, йога, ставшая популярной во всем мире, дистанцировалась от своих индуистских корней, переместившись в тренажерные залы и оздоровительные центры в качестве физической дисциплины. «Хотя учения о правильном дыхании и асанах могут быть сохранены, их цель смещается с объединения Атмана с Брахманом на простое стремление к спокойствию или физическому благополучию», — пишет Мишель Деметр (2006, р. 26). Акцент на практической стороне, а не ритуальной способствует тому, что йога в конечном счете деэтнизируется и теряет связь с индуистской традицией (Altglas, 2007).

Похожую трансформацию прошла буддийская медитация, что в последнюю очередь случилось за счет медиализации и встраивания медитации в ряд практик психологической помощи. Основоположник секулярной медитации Джон Кабат-Зинн разработал программу для борьбы со стрессом под названием MBSR (Mindfulness-based stress reduction). Он настаивал на том, что хотя техника медитации происходит из буддизма, но ее суть универсальна. Таким образом, осознанность (mindfulness) переместилась из буддизма в западные терапевтические контексты, переживая при этом значительные изменения и упрощения в ходе ее светской интерпретации. Катарина Планк вводит понятие «присваиватели осознанности» (mindfulness appropriators), указывая на тех, кто обращается к буддизму и его практикам, чтобы легитимировать свою позицию, но при этом не проявляет интереса к самой религии. В терапевтических контекстах осознанность используется для достижения «мирских» целей — подтверждению и закреплению «я» — вместо духовного пробуждения и осознания непостоянства внутреннего «я» как в буддийской традиции (Frisk, 2012).

Кэнди Гюнтер Браун в ходе исследования пособий по осознанности для американских школ обнаружила, что авторы этих пособий тщательно избегают терминов «буддизм», «религия», «духовность» или «медитация». Вместо этого в учебных планах осознанность презентуется как научная практика — программы содержат ссылки на функциональные магнитно-резонансные исследования, которые доказывают, что осознанность меняет структуру и функции мозга. По мнению исследовательницы, эти пособия за счет их включения в программу государственных школ сыграли решающее значение в апроприации буддийских духовных практик. «Возможно, что обилие легкодоступной и дешевой печатной и интернет-информации способствует плюрализующим процессам, в ходе которых индивиды выбирают деконтекстуализированные товары из множества культурных систем и комбинируют их в соответствии с личными предпочтениями и социальными условиями», — делает вывод Гюнтер Браун (2015, р. 23).

С одной стороны, секуляризацию хиджамы и прочих духовных или терапевтических практик объединяет тот факт, что из них удаляется религиозный дискурс. Практикующие секулярную йогу или медитацию апеллируют к научности, исключая религиозную легитимацию. Это акцентирует внимание на универсальности данных практик и их внеположенности религии. С другой стороны, кровопускание обладает рядом особенностей. Хиджама по-прежнему остается практикой альтернативной медицины и, в отличие от йоги или медитации, в меньшей степени обретает нормативность за счет сближения с биомедициной. Это не означает, что дискурс о хиджаме не испытывает на себе влияние биомедицины, однако это влияние оспаривается и подвергается критике со стороны информантов, как и сама биомедицина. Несмотря на это, некая «духовная» составляющая, ассоциированная с ориентализированным Востоком и граничащая с нью-эйдж, продолжает присутствовать, как и в дискурсе о йоге с медитацией, так и о хиджаме. Различие состоит лишь в том, что хаджамы-немусульмане предпочитают дистанцироваться от ислама, помещая хиджаму в контекст китайской медицинской традиции, в то время как индуистское происхождение йоги или буддийской медитации не подвергается оспариванию.

Немусульмане, обсуждая других хаджамов или пациентов-мусульман, часто прибегают к исламофобной и ксенофобной риторике. В постсоветское время исламофобный язык СМИ возник в качестве реакции на войну в Чечне в 1990-х годах, что привело к доминированию нарратива о секьюритизации ислама и восприятия его в качестве угрозы. Помимо дискурсивной плоскости исламофобия, сопряженная с ксенофобией, нашла отражение и в практике правоохранительных органов, осуществляющих этническое профилирование (Abbasi, 2023). На протяжении всего постсоветского периода элементы исламофобии доминируют в материалах СМИ за счет лексических форм, создающих негативный образ ислама и мусульман (Рагозина, 2017), с тем лишь исключением, что теперь образ мусульманина ассоциируется в большей степени с мигрантами из Центральной Азии (Шнирельман, 2008).

Особенность исламофобной риторики состоит в том, что «расификация» ислама происходит не в вакууме, а в контексте конкретных исторических отношений, как об этом пишет Джунаид Рана (2007). Иными словами, происходит нечто вроде двойной стигматизации: с одной стороны, по отношению к мусульманам как носителям определенной религиозной идентичности, а с другой стороны, к мигрантам — кавказцам или центральноазиатам, как правило, исповедующим ислам. Тем самым связь между этнической и религиозной принадлежностью делает ксенофобию и исламофобию трудноразделимыми в российском контексте (Aziz & Calderone, 2023). Можно предположить, что это обуславливает желание хаджамов-немусульман дистанцироваться от ислама, помещая кровопускание в ориентализированную традицию китайской медицины и философии, но менее противоречивую и не столь наполненную негативными стереотипами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попав в российский мусульманский контекст за счет глобализации ислама хиджама получила распространение в среде мусульман как оздоровительная и религиозная практика. Мусульмане придают важность кровопусканию на основании ряда хадисов Пророка и воспринимают ее как желательное действие, позволяющее получить награды от Аллаха. Среди мусульманских представлений, включенных в хиджаму,

можно выделить практику намерения перед процедурой, веру в существование джиннов и в помощь Всевышнего в выздоровлении. В то же время мусульманская практика хиджамы оказывается проницаемой для внедрения в нее приемов китайской медицины — постановки банок по атласам энергетических точек. В этом смысле трудно говорить о существовании отдельных и четко очерченных мусульманской или немусульманской процедур ввиду того, что практика кровопускания обладает внутренней вариативностью, не обязательно связанной с религией.

Разница между процедурами лежит, скорее, в дискурсивной плоскости, при том, что границу между мусульманской и китайской версией хиджамы конструируют именно информанты-немусульмане. Они признают, что кровопускание приобрело свою популярность благодаря мусульманам, но, с другой стороны, отрицают исламскую генеалогию процедуры. Как правило, хаджамы-немусульмане видят собственный вариант процедуры наиболее полным и правильным, в отличие от той хиджамы, которую практикуют мусульмане. Немусульманам более свойственно описывать свое взаимодействие с мусульманами как конфликтное или полное разногласий. Симптоматична и лексика, которую используют информанты-немусульмане: «ишак», «резал овец», «шаурма», «по-русски еле говорит». По всей видимости, представления хаджамов-немусульман о том, как функционирует хиджама в мусульманском контексте, формируются под влиянием этих стереотипных образов о мигрантах и мусульманах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 110 *вопросов и ответов по Хиджама*. (б.г.). Хиджама — Сунна. <https://hijamasunna.com/k2> (дата обращения: 6 февраля 2023).
- Абдурахманов, М. (2021). *Хиджама — забытая Сунна Пророка*. [б.м].
- Аль-Асари, Ф. (2015, 16 октября). *Хадисы о хиджама*. Энциклопедия хадисов. <https://hadis.uk/xadisy-o-krovopuskaniixidzhama/27060/>
- Бахриддинова, А. [@hidjama_amina_spb]. (2022, 15 июня). *Хиджама. Лечение колдовства*. Instagram. <https://www.instagram.com/p/Ce0VDtvgMnv/>
- Гуруева, Н. (б.г.). *Семь точек по Сунне... Ас-салам*. <https://as-salam.ru/news/240/> (дата обращения: 6 февраля 2023).
- Зверева, Н. (2014). Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы за значение. *Новое литературное обозрение*, (4), 88–96.
- Катифан, А.-К. (2014, 5 июня). *Хиджама: лекарство для ума, тела и души*. Islam Portal. <http://www.islam-portal.ru/novosti/105/4944/>
- Клячина, Т. В. (2022). Религия и интернет: медицина Пророка в век современных технологий. *Minbar. Islamic Studies*, 15(2), 407–422.
- Костекский, А. [al-igtisam]. (2021, 7 мая). *Хиджама — это Сунна?* [Видео]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=FLpdtQoVpdQ>
- Магомедов, Р. (2021, 23 февраля). Популярность исламской медицины в Дагестане возросла на фоне эпидемии коронавируса. *Кавказский узел*. https://m.kavkaz-uzel.eu/articles/360073/?full_page=true
- Медицина Пророка*. (б.г.). Medina school. <https://medinaschool.org/library/obshestvo/medicina-i-zdorove/medicina-proroka-Muhammada> (дата обращения: 30 декабря 2022).
- Олимпийских спортсменов уличили в исламском «допинге»*. (2016, 9 августа). Islam News. <https://islamnews.ru/olimpijskix-sportsmenov-ulichili-v-islamskom-dopinge>
- Опарин, Д. (2021). Одержимость и экзорцизм в миграционном мусульманском контексте. *Неприкосновенный запас*, (4), 169–195.
- Рагозина, С. А. (2017). Анализ лексической сочетаемости лексемы «ислам» в российских печатных СМИ (2010–2013). *Исламоведение*, 8(1), 112–130.
- Руа, О. (2017). Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. *Islamology*, 7(1), 11–40.
- Шнирельман, В. (2008). Мигрантофобия и «культурный расизм». *Ab Imperio*, 2, 287–323.
- Текст о джиннах*. (2020, 10 октября). Instagram. <https://www.instagram.com/p/CGKqbFKBY1A/>
- Трофимова, К. П. и Ярлыкапов, А. А. (2022). Невидимые соседи и видимое соседство: джинны и люди в мусульманских культурах (введение к специальной теме номера). *Сибирские исторические исследования*, (3), 6–13.
- Хайат, С. (2016, 13 апреля). *Два вида намерения в исламе*. Islam-today. <https://islam-today.ru/veroucenie/dva-vida-namerenia-v-islame/>
- Хиджама для одержимых джиннами и больных психическими заболеваниями*. Опыт. (2017, 23 августа). Cyberpedia. <https://cyberpedia.su/8x19df.html>
- Хиджама Москва*. (б.г.). Hidjama Moskva. <http://hidjama-moskva.tilda.ws> (дата обращения: 30 декабря 2022).
- Хиджама не больно, эффект заметен сразу*. (2022, 12 июля). IRecommend.ru. <https://irecommend.ru/content/khidzhama-ne-bolno-effekt-zameten-srazu>

- Это и есть Истина. (б.г.). ВКонтакте. https://vk.com/doc253681738_470007817?hash=biprjZd29coVZP389C0eDmqe9QFWkGUEYmzwPSqdjxL&dl=x886GpDRDzsC0d8Jkn5s7UpEfQ2CjVnt9FIPoTw7UM8 (дата обращения: 21 мая 2023).
- Abbasi, I. (2023). Russian Islamophobia. *Islamophobia Studies Journal*, 8(1), 141–157.
- Attewell, G. (2003). Islamic medicines: perspectives on the Greek legacy in the history of Islamic medical traditions in West Asia. In H. Selin (Ed.), *Medicine Across Cultures: History and Practice of Medicine in Non-Western Cultures* (pp. 325–350). Springer Dordrecht.
- Altglas, V. (2007). The global diffusion and westernization of Neo-Hindu movements: Siddha Yoga and Sivananda Centres. *Religions of South Asia*, 1(2), 217–237.
- Aziz, S. F. & Calderone, S. (2024). Islamophobia in Russia: Ethnicity, migration, and national security. In S. F. Aziz & J. L. Esposito (Eds.), *Global Islamophobia and the Rise of Populism* (pp. 151–168). Oxford University Press.
- Brown, C. G. (2015). Textual erasures of religion: the power of books to redefine yoga and mindfulness meditation as secular wellness practices in North American public schools. *Mémoires du livre*, 6(2), 1–38.
- Cieślewska, A. (2021). Spiritual mobility: Alternative healing practices amongst Central Asian migrants in Moscow. In R. Turaeva & R. Urinboyev (Eds.), *Labour, Mobility and Informal Practices in Russia, Central Asia and Eastern Europe* (pp. 133–148). Routledge.
- Demeter, M. E. (2006). *The commodification of yoga in contemporary US culture* (Doctoral dissertation, University of South Florida).
- El-Zein, A. (2009). *Islam, Arabs, and the intelligent world of the jinn*. Syracuse University Press.
- Frisk, L. (2012). The practice of mindfulness: from Buddhism to secular mainstream in a post-secular society. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, 24, 48–61.
- Hillewaert, S. M. (2021). Discourses, Bodies, and Questions of Sharedness in Kenya's Wellness Communities. *Religion and Society*, 12(1), 163–177.
- Jahroni, J. (2020). Prophet's medicine among the contemporary Indonesian salafi groups. *Epistem : Jurnal Pengembangan Ilmu Keislaman*, 15(2), 315–343.
- Khalil, M. K., Al-Eidi, S., Al-Qaed, M., & AlSanad, S. (2018). Cupping therapy in Saudi Arabia: from control to integration. *Integrative medicine research*, 7(3), 214–218.
- Mateo Dieste, J. L. (2015). "Spirits are like microbes": Islamic revival and the definition of morality in Moroccan exorcism. *Contemporary Islam*, 9(1), 45–63.
- Nabolsi, M. M., & Carson, A. M. (2011). Spirituality, illness and personal responsibility: the experience of Jordanian Muslim men with coronary artery disease. *Scandinavian journal of caring sciences*, 25(4), 716–724.
- Nagamia, H. F. (2003). Islamic medicine history and current practice. *Jishim*, 2(4), 19–30.
- Padela, A. I., Killawi, A., Forman, J., DeMonner, S., & Heisler, M. (2012). American Muslim perceptions of healing: key agents in healing, and their roles. *Qualitative health research*, 22(6), 846–858.
- Rana, J. (2007). The story of Islamophobia. *Souls*, 9(2), 148–161.
- Schmidt Stiedenroth, K. (2019). Reviving "A forgotten Sunna" Hijamah (cupping therapy), prophetic medicine, and the re-Islamization of Unani medicine in contemporary India. *Contemporary Islam*, 13(2), 183–200.
- Turaeva, R. (2020). Muslim orders in Russia: Trade networks and hijama healing. *Nationalities papers*, 48(4), 661–674.
- Turaeva, R. (2022). Propiska regime regulating mobility and migration in post-Soviet cities. *Cities*, 121, 103478.

Zukin S. (1987). Gentrification: culture and capital in the urban core. *Annual review of sociology*. 13(1), 129–147.

REFERENCES

- 110 voprosov i otvetov po Hidzame [110 questions and answers on hijama]. (n.d.). Hidzhama Sunna. Retrieved February 6, 2023, from <https://hijamasunna.com/k2>. (in Russian)
- Abbasi, I. (2023). Russian Islamophobia. *Islamophobia Studies Journal*, 8(1), 141–157.
- Abdurahmanov, M. (2021). *Hidzhama — zabytaya Sunna Proroka* [Hijama is the forgotten Sunnah of the Prophet]. [n.p.]. (in Russian)
- Altglas, V. (2007). The global diffusion and westernization of Neo-Hindu movements: Siddha Yoga and Sivananda Centres. *Religions of South Asia*, 1(2), 217–237.
- Al-Asari, F. (2015, October 16). *Hadisy o hidzhame* [Hadiths on hijama]. Enciklopediya hadisov. <https://hadisy.uk/xadisy-o-krovopuskaniixidzhama/27060/>
- Attewell, G. (2003). Islamic medicines: perspectives on the Greek legacy in the history of Islamic medical traditions in West Asia. In H. Selin (Ed.), *Medicine Across Cultures: History and Practice of Medicine in Non-Western Cultures* (pp. 325–350). Springer Dordrecht.
- Aziz, S. F. & Calderone, S. (2024). Islamophobia in Russia: Ethnicity, migration, and national security. In S.F. Aziz & J.L. Esposito (Eds.), *Global Islamophobia and the Rise of Populism* (pp. 151–168). Oxford University Press.
- Bahriddinova, A. [@hidjama_amina_spb]. (2022, June 15). *Hidzhama. Lechenie koldovstva* [Cure for witchcraft]. Instagram. <https://www.instagram.com/p/CeOVDtvGMnv/>. (in Russian)
- Brown, C. G. (2015). Textual erasures of religion: the power of books to redefine yoga and mindfulness meditation as secular wellness practices in North American public schools. *Mémoires du livre*, 6(2), 1–38.
- Cieślowska, A. (2021). Spiritual mobility: Alternative healing practices amongst Central Asian migrants in Moscow. In R. Turaeva & R. Urinboyev (Eds.), *Labour, Mobility and Informal Practices in Russia, Central Asia and Eastern Europe* (pp. 133–148). Routledge.
- Demeter, M. E. (2006). *The commodification of yoga in contemporary US culture* (Doctoral dissertation, University of South Florida).
- El-Zein, A. (2009). *Islam, Arabs, and the intelligent world of the jinn*. Syracuse University Press. *Eto i est Istina* [This is the Truth]. (n.d.). VKontakte. Retrieved May 21, 2023, from https://vk.com/doc253681738_470007817?hash=biprjZd29coVZP389C0eDmqe9QFWkGUEYmzwPSqdjxL. (in Russian)
- Frisk, L. (2012). The practice of mindfulness: from Buddhism to secular mainstream in a post-secular society. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, 24, 48–61.
- Gurueva, N. *Sem toček po Sunne...* [Seven points according to Sunnah...]. (n.d.). As-salam. Retrieved February 6, 2023, from <https://as-salam.ru/news/240/>. (in Russian)
- Hajat, S. (2016, April 13). *Dva vida namerenia v islame* [Two types of intention in islam]. Islam-today. <https://islam-today.ru/veroucenie/dva-vida-namerenia-v-islame/>. (in Russian)
- Hidzama dlya oderzhimyyh dzinami i bolnyh psichicheskimi zabolevaniyami. Opyt.* [Hijama for those possessed by jinn and mentally ill. Experience]. (2017, August 23). Cyberpedia. <https://cyberpedia.su/8x19df.html>. (in Russian)
- Hidjama Moskva* [Hijama Moscow]. (n.d.). Hidjama Moskva. Retrieved December 30, 2022, from <http://hidjama-moskva.tilda.ws>. (in Russian)

- Hidzama ne bolno, effekt zameten srazu* [Hijama is not painful, the effect is immediately noticeable]. (2022, July 12). IRecommend.ru. <https://irecommend.ru/content/khidzhama-ne-bolno-effekt-zameten-srazu>. (in Russian)
- Hillewaert, S. M. (2021). Discourses, Bodies, and Questions of Sharedness in Kenya's Wellness Communities. *Religion and Society*, 12(1), 163–177.
- Jahroni, J. (2020). Prophet's medicine among the contemporary Indonesian salafi groups. *Epistemé: Jurnal Pengembangan Ilmu Keislaman*, 15(2), 315–343.
- Katifan, A. — K. (2014, June 5). *Hidzama: lekarstvo dlya uma, tela i dushi* [Hijama: medicine for mind, body and soul]. Islam Portal. <http://www.islam-portal.ru/novosti/105/4944/>. (in Russian)
- Khalil, M. K., Al-Eidi, S., Al-Qaed, M., & AlSanad, S. (2018). Cupping therapy in Saudi Arabia: from control to integration. *Integrative medicine research*, 7(3), 214–218.
- Klyachina, T. V. (2022). Religiya i internet: medicina Proroka v vek sovremennykh tekhnologij [Religion and the Internet: The Prophet's medicine in the age of modern technology]. *Minbar. Islamic Studies*, 15(2), 407–422.
- Kostekskij, A. [al-igtisam]. (2021, May 7). *Hidzama — eto sunna?* [Is hijama sunnah?] [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=FLpdtQoVpdQ>. (in Russian)
- Magomedov, R. (2021, February 23). *Populyarnost islamskoj mediciny v Dagestane vozrosla na fone epidemii koronavirusa* [The popularity of Islamic medicine in Dagestan has increased against the backdrop of the coronavirus epidemic]. Kavkazskij uzal. https://m.kavkaz-uzel.eu/articles/360073/?full_page=true. (in Russian)
- Mateo Dieste, J. L. (2015). “Spirits are like microbes”: Islamic revival and the definition of morality in Moroccan exorcism. *Contemporary Islam*, 9(1), 45–63.
- Medicina Proroka* [Medicine of the Prophet]. (n.d.). Medina school. Retrieved December 30, 2022, from <https://medinaschool.org/library/obshchestvo/medicina-i-zdorove/medicina-pro-roka-Muhammada>. (in Russian)
- Nabolsi, M. M., & Carson, A. M. (2011). Spirituality, illness and personal responsibility: the experience of Jordanian Muslim men with coronary artery disease. *Scandinavian journal of caring sciences*, 25(4), 716–724.
- Nagamia, H. F. (2003). Islamic medicine history and current practice. *Jishim*, 2(4), 19–30.
- Olimpijskikh sportsmenov ulichili v islamskom “dopinge”* [Olympic athletes caught using Islamic “doping”]. (2016, August 9). Islam News. <https://islamnews.ru/olimpijskix-sportsmenov-ulichili-v-islamskom-dopinge>. (in Russian)
- Oparin, D. (2021). Oderzhimost i ekzortsizm v migratsionnom musulmanskom kontekste [Possession and exorcism in a migratory Muslim context]. *Neprikosnovennyj zapas*, (4), 169–195. (in Russian)
- Padela, A. I., Killawi, A., Forman, J., DeMonner, S., & Heisler, M. (2012). American Muslim perceptions of healing: key agents in healing, and their roles. *Qualitative health research*, 22(6), 846–858.
- Ragozina, S. A. (2017). Analiz leksicheskoy sochetaemosti leksemy Islam” v rossijskikh pechatnykh SMI (2010–2013) [Analysis of lexical combinability of the lexeme ‘Islam’ in Russian print media (2010–2013)]. *Islamovedenie*, 8(1), 112–130. (in Russian)
- Rana, J. (2007). The story of Islamophobia. *Souls*, 9(2), 148–161.
- Rua, O. (2017). Globalizirovannyj islam: v poiskah novoj ummy [Globalised Islam: in search of a new ummah]. *Islamology*, 7(1), 11–40. (in Russian)

- Schmidt Stiedenroth, K. (2019). Reviving “A forgotten Sunna.” Hijamah (cupping therapy), prophetic medicine, and the re-Islamization of Unani medicine in contemporary India. *Contemporary Islam*, 13(2), 183–200.
- Shnirelman, V. (2008). Migrantofobiya i kul'turnyy rasizm” [Migrantophobia and “cultural racism”]. *Ab Imperio*, 2, 287–323. (in Russian)
- Tekst o dzinnah [On the jinns]*. (2020, October 10). Instagram. <https://www.instagram.com/p/CGKqbFKBY1A/> (in Russian)
- Trofimova, K. P., & Yarlykapov, A. A. (2022). Nevidimye sosedi i vidimoe soledstvo: dzinny i lyudi v musulmanskih kulturah (vvedenie k specialnoj teme nomera) [Invisible Neighbours and Visible Neighbourhood: Jinn and Humans in Muslim Cultures]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, (3), 6–13. (in Russian)
- Turaeva, R. (2020). Muslim orders in Russia: Trade networks and hijama healing. *Nationalities papers*, 48(4), 661–674.
- Turaeva, R. (2022). Propiska regime regulating mobility and migration in post-Soviet cities. *Cities*, 121, 103478.
- Zvereva, N. (2014). Diskursy o migrantah v sovremennoj rossijskoj presse: strategii borby za znachenie [Discourses about migrants in the contemporary Russian press: strategies of struggle for meaning]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (4), 88–96. (in Russian)
- Zukin, S. (1987). Gentrification: culture and capital in the urban core. *Annual review of sociology*. 13(1), 129–147.